

**Центр компаративистики и филогенетики
Института классического востока и античности НИУ ВШЭ**

**Centre for Comparative Studies and Phylogenetics
Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University**

**Традиционная конференция
по сравнительно-историческому языкознанию
«XIX традиционные чтения памяти С. А. Старостина»**

**The 19th Sergei Starostin Memorial Conference on
Comparative-Historical Linguistics**

28-29 марта 2024 г. / March 28-29, 2024

Тезисы конференции

Conference abstracts

**Москва, ВШЭ / Moscow, HSE University
2024**

Оглавление / Table of Contents

<p>А. П. Алексеева (Anastasia Alekseeva) М. А. Даниэль (Mikhail Daniel) Т. А. Майсак (Timur Maisak) К. В. Филатов (Konstantin Filatov)</p>	<p><i>Реконструкция глагола ‘делать’ в рутульском языке и ее роль для пралезгинской реконструкции</i> (<i>Reconstruction of the verb ‘do’ in Rutul and its implications for the Proto-Lezgif reconstruction</i>)</p>	<p>4</p>	<p>PDF</p>
<p>Е. Е. Арманд (Elena Armand)</p>	<p><i>Об отражении древнеиранских превербов в шугнанском глаголе</i> (<i>On the reflection of Old Iranian verbal prefixes in the Shughni verbal system</i>)</p>	<p>6</p>	<p>PDF</p>
<p>И. А. Афанасьев (Ilia Afanasev) В. В. Козак (Viacheslav Kozak)</p>	<p><i>Автоматическое измерение расстояния между лектами с высокой степенью внутренней вариативности (на материале южнославянских лектов)</i> (<i>Measuring the language distance between the lects with high degree of lexical variation (on the material of South Slavic lects)</i>)</p>	<p>7</p>	<p>PDF</p>
<p>А. О. Бадеев (Artem Badeev)</p>	<p><i>Супплетивное склонение и серии древнеиранских указательных местоимений</i> (<i>Suppletive declension and series of Old Iranian demonstratives</i>)</p>	<p>9</p>	<p>PDF</p>
<p>С. Г. Болотов (Sergei Bolotov)</p>	<p><i>Что не так [и что так] с законом Семереньи – 2: неожиданная развязка и... её внешнее сравнение</i> (<i>What is wrong (and what is right) with Szemerényi’s law, part 2: an unexpected conclusion and its external comparison</i>)</p>	<p>11</p>	
<p>М. А. Волконская (Maria Volkonskaja) Т. А. Михайлова (Tatiana Mikhailova)</p>	<p><i>«Человек – мужчина – муж»: к динамике и.е. *ǵīro- в романских и германских языках</i> (<i>“Human being – man – husband”: on the dynamics of IE *ǵīro- in the Romance and Germanic languages</i>)</p>	<p>12</p>	<p>PDF</p>
<p>В. Ю. Гусев (Valentin Gusev)</p>	<p><i>К интерпретации прауральского консонантизма</i> (<i>An interpretation of the consonant system of Proto-Uralic</i>)</p>	<p>14</p>	<p>PDF</p>
<p>А. И. Давлетшин (Albert Davletshin)</p>	<p><i>Внешнее родство языков уаве</i> (<i>External relationship of Huavean languages</i>)</p>	<p>16</p>	<p>PDF</p>
<p>А. А. Евдокимова (Alexandra Evdokimova)</p>	<p><i>Разные подходы к аннотированию акцентуации на материале корпуса Byzantine Greek Accentuated Texts</i> (<i>Different approaches to annotating accentuation on the material of the Byzantine Greek Accentuated Texts corpus</i>)</p>	<p>17</p>	<p>PDF</p>
<p>М. А. Живлов (Mikhail Zhivlov)</p>	<p><i>Некоторые нетривиальные фонетические соответствия между хоканскими языками</i> (<i>Some non-trivial sound correspondences between Hokan languages</i>)</p>	<p>18</p>	<p>PDF</p>
<p>А. И. Коган (Anton Kogan)</p>	<p><i>Индоиранская заимствованная лексика языка бурушаски и реконструкция языковых контактов в регионе верховьев Инда</i> (<i>Indo-Iranian loan vocabulary in Burushaski and the reconstruction of language contact in the Upper Indus region</i>)</p>	<p>19</p>	<p>PDF</p>

Е. В. Коровина (Evgeniya Korovina)	<i>Контакты и базисная лексика: случай языков майя (Contacts and basic vocabulary: the case of Mayan languages)</i>	20	PDF
М. М. Лоренц (Marina Lorentz)	<i>Особенности и положение маньчжянских языков группы Минь (On some peculiarities and the genealogical status of the Manjiang languages in the Min branch of Sinitic)</i>	21	PDF
О. М. Мазо (Olga Mazo) И. А. Грунтов (Ilya Gruntov)	<i>Лексические изоглоссы в базисной лексике северо-монгольских идиомов (Lexical isoglosses in the basic lexicon of Northern Mongolian lects)</i>	22	
А. Е. Маньков (Alexander Mankov)	<i>К распределению безударных а и і в германских языках: уточнения к «правилу Кокка» (On the distribution of the unstressed a and i in Germanic languages: a new formulation of Kock's rule)</i>	23	PDF
А. В. Никулин (Andrei Nikulin) Хавьер Кароль (Javier Carol)	<i>Новый подход к матагвайско-гуайкурусской гипотезе (A new take on the Guaicuruian—Mataguayan hypothesis)</i>	24	PDF
А. В. Савельев (Alexander Savelyev)	<i>Развитие нетривиальных сочетаний с носовым (*šN, *čN, *rN) в мари́йском (The development of non-trivial clusters with a nasal (*šN, *čN, *rN) in Mari)</i>	25	PDF
А. А. Смирнитская (Anna Smirnitckaya)	<i>К изучению семантических переходов с участием перцептивных глаголов в центрально-койсанских языках (Towards the study of semantic shifts in the field of chemoperception in Central Khoisan languages)</i>	27	PDF
Г. С. Старостин (George Starostin) А. С. Касьян (Alexei Kassian)	<i>Ономасиологическая реконструкция в рамках 400-словного списка базисной лексики и ее роль в уточнении ряда гипотез дальнего языкового родства (Onomasiological reconstruction within the 400-item wordlist and its role in the verification of hypotheses of long-range linguistic relationship)</i>	30	PDF
А. А. Трофимов (Artem Trofimov)	<i>Уточнения к правилам ударения в именных основах в пушту (A clarification of Pashto word stress rules in nominals)</i>	31	PDF

А. П. Алексеева	<i>Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, Москва</i>
М. А. Даниэль	<i>Collegium de Lyon</i>
Т. А. Майсак	<i>Институт языкознания Российской академии наук, Москва; НИУ ВШЭ, Москва</i>
К. В. Филатов	<i>Институт лингвистических исследований Российской академии наук</i>

Реконструкция глагола ‘делать’ в рутульском языке и ее роль для пралезгинской реконструкции

В «Северокавказском этимологическом словаре» (Nikolayev, Starostin 1994) корни для глагола ‘делать’ в лезгинских языках нахско-дагестанской семьи разнесены по двум словарным входам. В подавляющем большинстве языков (восемь из девяти) представлен корень с гортанной смычкой (ср. цахурское PFV/IPFV *haʁu-/haʁa-*), утраченной в ряде языков (ср. лезгинское *awu-/iji-*) или давшей /p'/ как результат взаимодействия гортанной смычки с классно-числовым показателем /w/ (ср. табасаранское *ap'u-/ap'a-*). Это корень реконструируется с гортанной смычкой, ср. пралезгинское *ʔaʔa(r)- (в работе Алексеев 1985: 83 приводится реконструкция основы *ʔa'a*, то есть *ʔaʔa-). Отдельно выделен агульский корень *aq'u-/aq'a-*, реконструируемый на пралезгинском уровне как *ʔaqa- («Isolated in Agul, but having probable external parallels»).

Рутульский глагол ‘делать’ представлен в первом гнезде с корнем =aʔa- (с начальной позицией для классно-числового согласования). Данные этой реконструкции, однако, не учитывают те диалекты рутульского языка, в которых в корне данного глагола представлен корневой /q'/, а не /ʔ/. При этом в самих рутульских диалектах наблюдается значительная вариативность в структуре этого корня — так, классно-числовой показатель может быть как префиксальным, так и инфиксальным (ср. форму аориста в 3-м классе *w-iʔir* или *ha-w-ir*), а корневым согласным может быть как /ʔ/, так и /q'/ (ср. ихрекский аорист 1-го класса *haq'ir*, 3-го класса *hap'ir* < *ha-w-q'ir). Мы предпринимаем попытку реконструировать прарутульский корень ‘делать’, для которого наиболее вероятной формой представляется *ha-CL-q'i- (основа PFV) с инфиксальным классно-числовым показателем и корневым /q'/, в большинстве диалектов затем перешедшем в /ʔ/.

Мы также обсудим, как прарутульская реконструкция, в которой варианты с /q'/ и /ʔ/ представлены на разных стадиях развития одного корня, могут повлиять на реконструкцию пралезгинского ‘делать’.

Anastasia Alekseeva	<i>Linguistic convergence laboratory, Higher School of Economics, Moscow</i>
Mikhail Daniel	<i>Collegium de Lyon</i>
Timur Maisak	<i>Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Higher School of Economics, Moscow</i>
Konstantin Filatov	<i>Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg</i>

Reconstruction of the verb ‘do’ in Rutul and its implications for the Proto-Lezgian reconstruction

In «A North Caucasian Etymological Dictionary» (Nikolayev, Starostin 1994) the roots for the verb ‘do’ in the Lezgian languages of the Nakh-Daghestanian family are presented in two separate lexical entries. The vast majority of languages (eight out of nine) have a root with a glottal stop (cf. Tsakhur PFV/IPFV *haʔu-/haʔa-*). The glottal stop was lost in a number of languages (cf. Lezgian *awu-/iji-*), or shifted to /p’/ as a result of fusion with a gender marker /w/ (cf. Tabasaran *ap’u-/ap’a-*). The root is reconstructed with a glottal stop, cf. Proto-Lezgian *ʔaʔa(r)- (Alekseev [1985: 83] cites the reconstruction of the stem as *jaʔa-). The Agul root *aq’u-/aq’a-* is placed separately and is reconstructed at the Proto-Lezgian level as *ʔaqa- («Isolated in Agul, but having probable external parallels»).

The Rutul verb ‘do’ belongs to the first cognate set, with the root =aʔa- (with a prefixal gender agreement marker). However, this reconstruction does not take into account those Rutul dialects which have /q’/ and not /ʔ/ in the verb root. In general, in the Rutul dialects there is a significant variation in the structure of this root. Thus, the gender agreement marker can be prefixal or infixal (cf. aorist, Gender 3 *w-iʔir* or *ha-w-ir*), the root consonant can be either /ʔ/ or /q’/ (cf. the Ikhrek Rutul aorist, Gender 1 *haq’ir*, Gender 3 *hap’ir* < *ha-w-q’ir). We make an attempt to reconstruct the Proto-Rutul root for the verb ‘do’, which most likely had the form *ha-CL-q’i- (PFV stem), with a gender agreement marker in the infixal position and the root consonant /q’/, which later shifted to /ʔ/ in most dialects.

We will also discuss how the Proto-Rutul reconstruction, in which the variants with the consonants /q’/ and /ʔ/ can be presented as different stages of development of one and the same root, can affect the Proto-Lezgian reconstruction of ‘do’.

Об отражении древнеиранских превербов в шугнанском глаголе

В древних иранских языках (древнеперсидском и авестийском) существовала развитая система глагольных превербов, некоторые из которых одновременно могли быть наречиями, предлогами или послелогоми. Эти превербы имели в основном направительную семантику (др.-п. ā- 'к', ava- 'прочь, вниз', urā- 'по направлению к', ni- 'вниз, по', ratiu- 'снова, к тому же, против' и др.). В авестийском и древнеперсидском языках было порядка 16 превербов, которые сочетались с глагольными корнями самой разной семантики (движения, состояния, действия и т.п.).

В ходе работы нам удалось установить и пересмотреть имеющийся список префиксов, отраженных в шугнанских глаголах, определить, к каким древнеиранским превербам они восходят, а также свести фонетические варианты современных префиксов к одному. Так, у нас имеются случаи, когда один древний преверб дает два–три фонетических варианта в шугнанском, и наоборот, – есть случаи, когда один шугнанский преверб возводится к двум или даже трем разным древним префиксам.

И. А. Афанасьев	<i>Школа лингвистики НИУ ВШЭ, Москва; ООО «Центр искусственного интеллекта МТС»</i>
В. В. Козак	<i>Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург</i>
Автоматическое измерение расстояния между лектами с высокой степенью внутренней вариативности (на материале южнославянских лектов)	
<p>Внутренняя классификация малых близкородственных лектов на основе лексических списков получила активное развитие в 1990 — 2020е гг. (Normanskaya, 2020; Shim and Nerbonne, 2022). Для автоматического измерения расстояния, выступающего основанием данной классификации, используются меры сходства строк, такие как расстояние Левенштейна, представляющие более детализированный, чем традиционные методы лексикостатистики, анализ сопоставляемых единиц. Обычно меры сходства строк требуют наличия соответствий «один концепт списка — одна лексема» для каждого концепта каждого из сравниваемых лектов (Wichmann и др., 2022). Но в случае малых территориальных лектов с высокой степенью лексической вариативности, даже при применении строгих формализованных критериев (Kassian и др., 2010; Afanasev, 2023), установление таких соответствий затруднено: каждому концепту списка может соответствовать несколько лексем.</p> <p>В докладе предлагаются способы автоматического измерения расстояния между лектами с высокой степенью вариативности. В качестве базовых используются вычисление среднего, минимального и максимального значения расстояния между всеми парами лексем для каждого концепта. Более лингвистически интерпретируемый метод предполагает установление предварительного порога, исключающего однозначные несовпадения. При анализе итоговых деревьев сравнивается взаимная информация между кластерами. Для перекрёстной оценки используется система — «чёрный ящик» (Afanasev, в печати). Демонстрируется преимущество использования комбинации порогового значения и выбора минимального расстояния.</p> <p>Материалом исследования выступают списки слов ряда южнославянских лектов: сербохорватских говоров Хвара, восточной Черногории (Кучи), Северной Метохии и Лужницы.</p>	

Ilia Afanasev	<i>School of Linguistics, Higher School of Economics, Moscow; MTS Artificial Intelligence Center, LLC</i>
Viacheslav Kozak	<i>Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg</i>

Measuring the language distance between the lects with high degree of lexical variation (on the material of South Slavic lects)

The 1990s–2020s witnessed a major rise in the wordlist-based internal classification of small closely related territorial lects (Normanskaya, 2020; Shim and Nerbonne, 2022). This type of an automatic-language-distance-measurement-based classification utilizes string similarity measures, such as the Levenshtein distance, that provide more fine-grained comparative analysis of units than the traditional lexicostatistical methods. String similarity measures require strict one-to-one concept-to-lexeme matches for each concept of each given lect (Wichmann et al., 2022). However, a high degree of lexical variation within small territorial lects often complicates string-similarity-based language distance scoring with one-to-many concept-to-lexeme matches, even when strict formalised criteria to eliminate them are applied (Kassian et al., 2010; Afanasev, 2023).

The talk presents the methods of automatic language distance measurement for the lects with a high degree of lexical variation. The baseline are average, minimal and maximal distance values between all the lexeme pairs for each concept. A more linguistically interpretable method requires establishing a threshold that dismisses guaranteed mismatches. Evaluation employs mutual clustering information. Cross-evaluation techniques include black-box methods (Afanasev, in print). The talk demonstrates the advantages of introducing a minimal threshold.

The study utilises the wordlist material of the Hvar, Kuče, North Metohia and Lužnice (BCSM, South Slavic) lects.

А. О. Бадеев

*НИУ ВШЭ; Институт языкознания Российской
академии наук, Москва*

Супплетивное склонение и серии древнеиранских указательных местоимений

Избыточное на первый взгляд число местоименных основ древнеиранских (авестийских, древнеперсидских) указательных местоимений долгое время составляло препятствие для понимания их значений и установления парадигм склонения. В настоящем докладе пойдет речь о том, как анализ дейктических контекстов и паттернов супплетивизма позволяет установить число серий указательных местоимений, свойственные им значения, а также продвинуться в области реконструкции праиранской системы.

Широко распространен в индоевропейских языках тип супплетивизма, когда в им.п. мужского и женского родов привлекается супплетивная основа. Помимо него в древнеиранских языках существовало супплетивное образование основ косвенных падежей (не им.-вин.п.) и супплетивная основа в инстр.п. Все эти типы восходят к индоиранскому уровню, однако в авестийском языке супплетивизм всех трех типов лег в основу еще одной инновационной серии указательных местоимений *ha-* / *ta-* / *a-*, встречающейся в анафорических контекстах. Наиболее разветвленная система указательных местоимений засвидетельствована для младоавестийского языка. Анализ дейктических контекстов позволяет выделить четыре серии указательных местоимений, различающие ближний, средний, дальний и анафорический дейксис. Косвенные падежи ближней и анафорической серий образуются от местоимения *a-*, таким образом восстанавливается специфический синкретический тип.

Artyom Badeev

*Higher School of Economics / Institute of Linguistics of
the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Suppletive declension and series of Old Iranian demonstratives

The seemingly excessive number of Old Iranian (Avestan, Old Persian) demonstrative stems has long been considered an obstacle for understanding their meanings and establishing declension paradigms. This presentation will discuss how the analysis of deictic contexts and patterns of suppletivism makes it possible to establish the number of series of demonstratives, their values, as well as to advance in the reconstruction of the Proto-Iranian system.

The type of suppletivism is widespread in Indo-European languages, when a suppletive stem of demonstrative is involved in the nominative of masculine and feminine genders. Besides this type, in Old Iranian there was a suppletive formation of the stem in the indirect cases (all except for the nominative-accusative), as well as a suppletive base in the instrumental case. All these types go back to the Indo-Iranian level, but in Avestan suppletivism of all three types formed the paradigm of innovative series *ha-* / *ta-* / *a-*, demonstrative occurring in anaphoric contexts. The most extensive system of demonstratives is attested for the Young Avestan. The analysis of deictic contexts allows us to recognize four series of demonstratives, distinguishing proximal, middle, distal and anaphoric deixis. The indirect cases of the proximal and anaphoric demonstratives are formed from the *a-* stem, thus a specific syncretic type is reconstructed.

С. Г. Болотов	<i>Институт мировой культуры МГУ, Москва</i>
Что не так [и что так] с законом Семереньи – 2: неожиданная развязка и... её внешнее сравнение	
<p>Пристальное рассмотрение всевозможных позиций (не)действия закона Семереньи дало неожиданный результат: основы на *-nt- и основы на *-ns- имеют по две модели поведения с непростым распределением в дочерних языках, при этом всё сводится к чистой фонетике с расщеплением *-t- в *-nt- и *-s- в *-ns- на две праединицы (*-nt₁- в презентных, в футуральных и в аористных причастиях; *-nt₂- в прилагательных на *-went₂-/*-ment₂-; *-ns₁- в компаративах; *-ns₂- в перфектных причастиях; есть и индивидуальные «внекатегориальные» экземпляры). Если *-t₁- и *-s₁- — «привычные» нам *-t- и *-s-, то *-t₂- и *-s₂- целесообразно признать рефлексами аффрикат (!), чему, вероятно, есть и внешние компаративные свидетельства.</p>	

Sergei Bolotov	<i>Institute of world culture, Moscow State University</i>
What is wrong (and what is right) with Szemerényi’s law, part 2: an unexpected conclusion and its external comparison	
<p>A close examination of all possible positions of the (non-)operation of Szemerényi’s law yielded an unexpected result: stems with *-nt- and stems with *-ns- each have two models of behavior, with a complicated distribution in daughter languages where everything is explainable on a purely phonetic basis with the splitting of *-t- / *-nt- and *-s- / *-ns- into two primordial units (*-nt₁- in present, futural and aorist participles; *-nt₂- in adjectives in *-went₂-/*-ment₂-; *-ns₁- in comparatives; *-ns₂- in perfect participles; there are also individual “non-categorical” instances). While *-t₁- and *-s₁- represent “familiar” *-t- and *-s-, *-t₂- and *-s₂- might be recognized as reflections of affricates (!), for which some external comparative evidence may actually exist.</p>	

М. А. Волконская	<i>Школа филологических наук ФГН НИУ ВШЭ, Москва</i>
Т. А. Михайлова	<i>Институт языкознания Российской академии наук; Российский государственный гуманитарный университет, Москва</i>

«Человек – мужчина – муж»: к динамике и.е. **uīro-* в романских и германских языках

Доклад посвящен изучению семантических и историко-культурных мотиваций утраты рефлексов и.е. обозначения ‘мужа’, ‘мужчины’ (**uīro-*), произошедшей независимо и параллельно в романских и германских языках, а также – их частичной замены лексемой с общим значением ‘человек’.

Утрата лат. *vir* при переходе к народной латыни часто объясняется фонетическими причинами: апокопизация, сокращающая многосложные слова, также стремилась «нивелировать» односложные лексемы и заменить их близкими семантически, либо – суффиксальными образованиями (ср.: *rus – campania* ‘деревня’, *os – bucca* ‘рот’, *mus – sorex* ‘мышь, землеройка’, *dies – diurnus* ‘день – дневной’, *vetus – vetulus* ‘старый – старенький’ и т. п.). Другой интерпретацией утраты лексемы считается включенность ее в лексику «высокого стиля», не сохранившуюся при переходе к разговорным формам языка (ср., например, замену *ignis* ‘огонь’ → *focus* ‘очаг, огонь’).

Следует обратить внимание также на то, что лексема *vir* в классической латыни входила в систему оппозиций *vir – mulier* ‘мужчина – женщина’ и *vir – uxor* ‘муж – жена, супруга’. Во второй паре оппозиций произошла замена *vir* → *maritus*, давшая обозначения мужа, супруга во всех романских языках. Предположительно, это могло повлиять на систему в целом, что, кстати, вызвало и частичную утрату лексем *uxor, mulier* (ср. однако итал. *moglie* ‘жена, супруга’ при исп. *mujer* ‘женщина’). Ср. также *domina* ‘госпожа, хозяйка, супруга’ → итал. *donna* ‘женщина’ (при франц. *femme*, рум. *femeie*).

В германских языках развитие о.г. **weraz* осложняется влиянием поэтической традиции, которая, вероятно, могла оказать влияние на развитие семантики и сохранность лексемы. Будучи связанной с системой эпических ценностей, в дальнейшем данная лексема могла подвергаться конвенционализации; утрата же эпической окраски приводила к вытеснению более распространенными обозначениями (или же – обозначениями, сохранившими свою ценностную специализацию, например, са. *wīe* < да. *wiga* ‘муж, воин’). Как и в романских языках, продолжения о.г. **weraz* могли входить в систему оппозиций ‘мужчина – женщина’ и ‘муж – жена’, которым в докладе будет уделено особое внимание.

В докладе предполагается:

— проследить использование лексем со значением ‘мужчина’ на материале табличек с проклятиями против воров (в формуле «будь то мужчина или женщина») как образцов разговорной латыни, а также в германских языках – на материале готского перевода Библии, древнеанглийского и среднеанглийского корпуса текстов;

— описать и попытаться интерпретировать семантический переход «мужество» → «достоинство, добродетель» в романских языках и народной латыни (франц. *vertue*, итал.

virtù и проч.);

— попытаться понять мотивацию расширения семантики у лексемы с исходным значением ‘земной’ → ‘мужчина’, казалось бы, не имеющей гендерной спецификации, проследить наличие типологических параллелей, а также семантику ее когнатов в кельтском и балтийском.

(Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии»).

Maria Volkonskaja	<i>School of Philology of the Higher School of Economics, Moscow</i>
Tatyana Mikhailova	<i>Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities</i>

“Human being – man – husband”: on the dynamics of IE **u̯iro-* in the Romance and Germanic languages

The paper will discuss the semantic and historical-cultural motivations for the gradual loss of the Indo-European designation of ‘man’, ‘husband’ (**u̯iro-*), which took place independently and in parallel in the Romance and Germanic languages, as well as its partial replacement with the lexeme having a general meaning ‘human being.’

The loss of Lat. *vir* during the transition to Vulgar Latin is often ascribed to phonetic reasons: apocope, which shortened polysyllabic words, also sought to “level out” monosyllabic lexemes and replace them with either semantically close ones or suffixal derivatives. Another interpretation of the loss of this lexeme is based on the hypothesis that it belonged to the elevated vocabulary, which was not preserved during the transition to Vulgar Latin.

Furthermore, *vir* in Classical Latin was part of the oppositions *vir – mulier* ‘man – woman’ and *vir – uxor* ‘husband – wife.’ In the latter, *vir* was replaced by *maritus*, which became the designation of husband in all the Romance languages. It could have affected the system as a whole, causing a partial loss of the lexemes *uxor* and *mulier*.

In the Germanic languages, the development of Proto-Germanic **weraz* was further complicated by poetic tradition, which could have influenced its semantics and subsequent preservation. Having been associated with a system of epic values, this lexeme could later become conventionalized; the loss of epic connotations led to its replacement by more common designations (or by designations that retained their elevated semantics, for example, Middle English *wīe* < Old English *wiga* ‘man, warrior’). As in the Romance languages, continuations of PG **weraz* formed part of the system of oppositions ‘man – woman’ and ‘husband – wife,’ which will be discussed in detail.

Thus, this presentation will:

— trace the use of lexemes with the meaning ‘man’ in the curse tablets against thieves (in the formula “be it a man or a woman”), using them as a source on Vulgar Latin, mainly in Britain, as well as in the Germanic languages, focusing on the Gothic translation of the Bible and Old and Middle English corpora;

— describe the semantic change “valour” → “dignity, virtue” in the Romance languages and Vulgar Latin (French *vertue*, Italian *virtù* etc.);

— contribute to our understanding of how the semantic expansion of the lexeme with the meaning ‘earthly’ → ‘man,’ which originally had no connection to gender, took place and trace its typological parallels as well as the semantics of its cognates in the Celtic and Baltic languages.

К интерпретации прауральского консонантизма

В докладе на основании статистических и типологических аргументов будут представлены некоторые соображения об устройстве и предыстории прауральской системы согласных.

Одной из ярких черт прауральского консонантизма является тот факт, что интервокальные смычные и аффрикаты в интервокальной позиции встречаются намного реже, чем в анлауте. С другой стороны, некоторые согласные (*δ, *χ) реконструируются только между гласными. Это дает основание предположить для прауральского или для пре-прауральского систему, схожую, например, с современной восточноренландской, где в интервокальной позиции имеются «сильные» и «слабые» смычные, а в анлауте – только «сильные»; при этом реализации «слабых» смычных очень похожи на то, что реконструируется для прауральского. В этом случае открытым остается вопрос о противопоставлении в прауральском все же реконструируемых интервокальных смычных и еще более редких геминат: какой-то из этих классов должен быть результатом более позднего развития (как минимум, некоторые слова с интервокальными смычными в прауральском – очевидные заимствования). Такая гипотеза объясняет не только статистическое распределение согласных, но и само наличие *δ, и разнообразие его рефлексов.

В типологическую аналогию с системами типа современных эскимосских, частично также с нивхской и др., укладываются еще некоторые факты, а именно а) обилие *k, в 3-4 раза превышающего по частотности другие смычные и, возможно, частично восходящего к другим заднеязычным согласным типа [q], и б) наличие *δ', который мы предлагаем отождествлять с глухим латеральным [ɬ].

Valentin Gusev

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of
Sciences, Moscow*

An interpretation of the consonant system of Proto-Uralic

This talk will present some thoughts on the system and pre-history of the Proto-Uralic consonant system based on statistical and typological considerations.

A striking feature of Proto-Uralic phonology is the rareness of plosives in the intervocalic position compared to their frequency word-initially. On the other hand, some consonants (* δ , * x) are only reconstructed between vowels. This allows us to assume that Proto-Uralic or Pre-Proto-Uralic had a system similar, e.g., to the modern Eastern Greenlandic, which distinguishes between “strong” and “weak” consonants between vowels (but has only “strong” consonants word-initially), and the realizations of the “weak” plosives are very similar to what we have in the Uralic languages. If this is true, one has to decide about the opposition of rare, but still existing intervocalic plosives and even more rare geminates: one of this classes must result from later developments (at least some PU words with intervocalic stops are obvious borrowings).

This assumption explains not only the statistical distribution of PU consonants, but also the very existence of * δ and the diversity of its reflexes.

The typological analogy with the systems like the present-day Eastern Greenlandic, to some extent also Nivkh etc., explains as well some other facts, like a) the abundance of * k , which is 3-4 times more frequent than other plosives and may partly go back to such uvular consonants as [q], and b) the existence of * δ' , which should be identified with the voiceless lateral sound [ɬ].

А. И. Давлетшин	<i>Институт восточных культур и античности РГГУ</i>
Внешнее родство языков уаве	
<p>Языки уаве представлены четырьмя близкородственными идиомами, на которых говорят в штате Оахака, Мексика. Они считаются языковым изолятом, хотя высказывались предположения о их возможном родстве с англокинскими, майя, михе-соке и отомангскими языками. В докладе я покажу, что в стословном списке Сводеша для прауаве обнаруживаются порядка десяти сходжений с прамихе-соке, пратепеуа-тотонакским и праюто-астекским. Большинство из этих сопоставлений обнаруживается в стословниках трёх из четырёх праязыков, что исключает сценарий заимствования и предполагает дальнейшее родство.</p>	

Albert Davletshin	<i>Russian State University for the Humanities</i>
External relationship of Huavean languages	
<p>Four Huave dialects are spoken on the Pacific coast of the Mexican state of Oaxaca. Huavean is generally considered an isolate, though hypotheses have attempted to link it with Algonquian, Mayan, Mixe-Zoquean and Otomanguan languages. I will present in my talk some ten matches in 100-word lists between Proto-Huavean, Proto-Mixe-Zoquean, Proto-Tepihua-Totonacan and Proto-Uto-Aztecan. The fact that most of the matches are found in three of four reconstructed languages excludes borrowing scenarios and implies a long-distance relationship of the languages under discussion.</p>	

А. А. Евдокимова	<i>Институт языкознания Российской академии наук, Москва</i>
Разные подходы к аннотированию акцентуации на материале корпуса BGAT (Byzantine Greek Accentuated Texts)	
<p>Наше исследование проводится на материале корпуса византийских акцентуированных текстов (BGAT), создаваемого с 2008 г. В его состав на данном этапе входит 1140 византийских надписей, 950 папирусов из разных коллекций с I по IX вв., 132 печати из собрания Dumbarton Oaks и выборка из 100 афонских рукописей от VIII по XV вв. Часть корпуса аннотирована программе UAM в рамках методики разработанной нами в прошлом году и проверенной на целом ряде памятников, содержащих одинаковый текст (см. https://www.dialog-21.ru/media/5873/evdokimovaaa063.pdf). Эта методика предлагает вариант кодирования акцентуированного текста для упрощения дальнейшего компьютерного анализа подобного рода источников. Для верификации этой методики были в этом году были апробированы другие способы аннотирования акцентуированных текстов. Результат сравнения разных подходов к аннотированию и будет предложен в данном докладе.</p>	

Alexandra Evdokimova	<i>Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow</i>
Different approaches to annotating accentuation on the material of the BGAT (Byzantine Greek Accentuated Texts) corpus	
<p>Our research is based on the material of the Byzantine Accentuated Texts (BGAT) corpus, created since 2008. At this stage it includes 1140 Byzantine inscriptions, 950 papyri from various collections from the 1st to the 9th centuries, 132 seals from the Dumbarton Oaks collection and a selection from 100 Athon manuscripts from the 8th to the 15th centuries. Part of the corpus was annotated with the UAM program within the framework of the methodology we developed last year and tested on a number of monuments containing the same text (see https://www.dialog-21.ru/media/5873/evdokimovaaa063.pdf). This technique offers an option for encoding accented text to simplify further computer analysis of such sources. To verify this technique, other methods of the accented texts annotations were tested this year. The result of comparing different approaches to annotation will be presented in this report.</p>	

М. А. Живлов	<i>Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета; Институт классического Востока и античности ФГН НИУ ВШЭ, Москва</i>
Некоторые нетривиальные фонетические соответствия между хоканскими языками	
<p>Терренс Кауфман (1989) предложил систему регулярных фонетических соответствий между хоканскими языками. Темой доклада будут некоторые случаи, где моя модель исторической фонологии хока отличается от модели Кауфмана. В докладе будут рассмотрены рефлексы прахоканских фонем *k^h, *y and *n^y в дочерних языках.</p>	

Mikhail Zhivlov	<i>Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities; Institute for Oriental and Classical Studies, Higher School of Economics</i>
Some non-trivial sound correspondences between Hokan languages	
<p>Terrence Kaufman (1989) proposed a system of sound correspondences between Hokan languages. In this talk I will focus on some cases where my model of Hokan historical phonology differs from Kaufman's model. I will discuss the reflexes of Proto-Hokan phonemes *k^h, *y and *n^y in the daughter languages.</p>	

А. И. Коган	<i>Институт востоковедения Российской академии наук</i>
Индоиранская заимствованная лексика языка бурушаски и реконструкция языковых контактов в регионе верховьев Инда	
<p>В языке бурушаски выделяется определенное количество индоиранских лексических заимствований, общих для обоих его диалектов (ясинского и диалекта Хунзы-Нагера) и засвидетельствованных также в северо-западных тибетских идиомах Ладакха и Балтистана. В докладе делается попытка выявить историко-фонетические особенности подобной лексики и установить ее вероятный источник. Автор высказывает гипотезу о том, что данный этимологический пласт был усвоен из исчезнувшего дардского языка, распространенного до VIII в. н.э. на территории нынешнего Ладакха.</p>	

Anton Kogan	<i>Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences</i>
Indo-Iranian loan vocabulary in Burushaski and the reconstruction of language contact in the Upper Indus region	
<p>Burushaski vocabulary contains a number of Indo-Iranian loanwords common for the Yasin and Hunza-Nager dialects, and attested also in Northwestern Tibetan varieties of Ladakh and Baltistan. In the presentation an attempt is made to identify the historical-phonological peculiarities of such loanwords and to determine their probable source. The author hypothesizes that the etymological stratum under study was adopted from an extinct Dardic language spoken in present-day Ladakh before the 8th century CE.</p>	

Е. В. Коровина	<i>Институт языкознания Российской академии наук</i>
Контакты и базисная лексика: случай языков майя	
<p>В лексике языков майя можно видеть многочисленные заимствования как из языков других языковых семей, прежде всего наuatля и испанского, так и из других языков майя. Причем, контакты между языками майя были настолько многочисленны, что было предложено выделять два языковых союза – низменностей и Уэуэтенанго. Заимствования внутри семьи майя часто трудно опознаваемы из-за относительного фонетического консерватизма языков семьи, что делает не всегда возможным строгое решение является ли то или иное слово закономерным рефлексом протомайя или же заимствованием из языка в язык. При этом проблема касается не только культурной лексики, но и лексики базовой, что можно видеть при использовании метода ступенчатой реконструкции. Наиболее ярким примером здесь является язык кекчи – язык кичеанской ветви, находящийся на периферии языкового союза низменностей, где, как минимум, 5 слов из списка Сводеша ('облако', 'имя', 'перо', 'червь', 'рот') были заменены под влиянием языков низменностей из других подгрупп. В докладе предполагается подробно рассмотреть этот и подобные случаи и показать, как неучет подобных «скрытых» заимствований влияет на классификацию языков майя.</p>	

Evgeniya Korovina	<i>Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences</i>
Contacts and basic vocabulary: the case of Mayan languages	
<p>In the lexicon of Mayan languages, numerous borrowings can be observed from languages of other language families, primarily Nahuatl and Spanish, as well as from other Mayan languages. The contacts between Mayan languages were so extensive that it has been suggested to distinguish two linguistic areas – Lowlands and Huehuetenango. Borrowings within the Mayan family are often difficult to identify due to the relative phonetic conservatism of the family's languages, making it not always possible to strictly determine whether a word is a regular reflex of Proto-Mayan or a borrowing between languages. This issue extends beyond cultural vocabulary to basic vocabulary, as seen in the use of the stepwise reconstruction method. A notable example is the Q'eqchi' language, a member of the K'ichean branch located on the periphery of the Lowlands linguistic area, where at least 5 words from the Swadesh list ('cloud', 'name', 'feather', 'worm', 'mouth') were replaced under the influence of Lowland languages from other subgroups. This presentation aims to thoroughly examine such cases and demonstrate how the oversight of such "hidden" borrowings and homoplasies affects the classification of Mayan languages.</p>	

М. М. Лоренц

*Институт лингвистики Российского
государственного гуманитарного университета*

Особенности и положение маньчжянских языков группы Минь

В докладе рассматриваются лексические особенности маньчжянских языков тайшунь и цаннань, расположенных на юге провинции Чжэцзян (КНР). Согласно немногочисленным исследованиям, они относятся к восточной ветви, образуя отдельную подветвь, при этом испытывая на себе влияние со стороны группы У и южноминьской ветви группы Минь. На материале 200-словника Сводеша видно, что в действительности маньчжянские языки нужно рассматривать по отдельности, поскольку различия между ними прослеживаются как на уровне базисной лексики, так и на уровне фонетики. В результате анализа оказалось, что ближе всех к восточной ветви оказывается только диалект тайшунь.

О. М. Мазо	<i>Тель-Авивский университет</i>
И. А. Грунтов	<i>Институт языкознания Российской академии наук, Москва</i>
Лексические изоглоссы в базисной лексике северо-монгольских идиомов	
<p>В докладе будет представлен анализ лексических изоглосс в базовой лексике ряда северо-монгольских идиомов. По сравнению со статьей 2015 года (Грунтов, Мазо 2015) удалось получить данные еще по нескольким идиомам: 7 хамниганских говоров (2 в Монголии и 5 на территории России), удзумчинский, хорчинский, а также ряд говоров бурятского языка. Стословные списки хамниганских диалектов Монголии и удзумчинского диалекта Китая были собраны в ходе экспедиций 2018 и 2023 гг. Данные по диалектам российских хамниган собраны в экспедициях 2022 и 2023 года и любезно предоставлены В. Ивановым и А. Сюрюн (ИЯ РАН), данные по бурятским идиомам собраны П. П. Дамбуевой (ИЯ РАН). Материалы по хорчинскому диалекту халхасского языка были взяты из работы Я. Ямакоси (2021).</p> <p>В своем докладе мы рассмотрим близость этих идиомов с другими северо-монгольскими идиомами (бурятским, ойратским, ново- и старо-баргутским, калмыцким, халхасским, хошутским, ордосским), а также обсудим различия в базовой лексике и возможность уточнения классификации северо-монгольских идиомов.</p> <p>Литература: Грунтов И.А., Мазо О.М. Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным, 2015. // Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания vol. 13/3. Yamakoshi Y. A Basic Vocabulary of Khorchin Mongolian // Asian and African Languages and Linguistics, No.15, 2021.</p>	

А. Е. Маньков	<i>Институт языкознания Российской академии наук, Москва</i>
К распределению безударных <i>a</i> и <i>i</i> в германских языках: уточнения к «правилу Кокка»	
<p>В докладе будут рассмотрены закономерности распределения безударных <i>a</i> (< пие. *<i>o</i>) и <i>i</i> (< пие. *<i>e</i>) в суффиксе *-<i>an</i>-/-<i>in</i>- в германских языках. Речь идёт о таких формах как гот. <i>bundans</i> ‘связанный’, <i>fulgins/fulhans</i> ‘тайный’, <i>maurgins</i> ‘утро’; др.-исл. <i>bitinn</i>, <i>brostinn</i> (причастия к <i>bíta</i> ‘кусать’, <i>bresta</i> ‘трескаться’), др.-англ. <i>āgen/āgen</i> ‘собственный’. Проблема заключается в том, что если бы в др.-исл. <i>bitinn</i> и <i>brostinn</i> был один и тот же суффикс *-<i>an</i>-, в <i>bitinn</i> должен был бы произойти <i>a</i>-умлаут (как в <i>brostinn</i>). Далее, не вполне понятно происхождение -<i>in</i>- в <i>fulgins</i>, а также такие дублиеты как др.-англ. <i>āgen</i> (с *-<i>in</i>-) и <i>āgen</i> (с *-<i>an</i>-). Данные явления частично объясняются «правилом Кокка»: прасканд. <i>a</i> в последовательности *<i>anC</i> дало <i>e</i> > <i>i</i>, которое не вызывало <i>i</i>-умлаута, т.к. к тому времени, когда появилось это <i>i</i>, умлаут перестал действовать; если же прасканд. <i>a</i> находилось перед интервокальным или финальным *<i>n</i>, оно сохраняется как <i>a</i>. В докладе предлагаются уточнения к правилу Кокка и обсуждаются некоторые трудные случаи.</p>	

Alexander Mankov	<i>Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow</i>
On the distribution of the unstressed <i>a</i> and <i>i</i> in Germanic languages: a new formulation of Kock’s rule	
<p>The presentation deals with the distribution of PGerm. <i>a</i> (< PIE *<i>o</i>) and PGerm. <i>i</i> (< PIE *<i>e</i>) in the suffix *-<i>an</i>-/-<i>in</i>-, cf. Goth. <i>bundans</i> ‘bound’, <i>fulgins/fulhans</i> ‘hidden’, <i>maurgins</i> ‘morning’; OIcel. <i>bitinn</i>, <i>brostinn</i> (to <i>bíta</i> ‘bite’, <i>bresta</i> ‘burst’), OE <i>āgen/āgen</i> ‘own’. The difficulty is due to the fact that if OIcel. <i>bitinn</i> and <i>brostinn</i> had the same suffix *-<i>an</i>-, <i>bitinn</i> would have undergone <i>a</i>-umlaut (like <i>brostinn</i>). Furthermore, the suffix -<i>in</i>- in <i>fulgins</i> is unclear, just like such doublets as OE <i>āgen</i> (with *-<i>in</i>-) and <i>āgen</i> (with *-<i>an</i>-). These cases are partly explained by Kock’s rule: PScand. <i>a</i> gave <i>e</i> > <i>i</i> in the combination *<i>anC</i>; there is no <i>i</i>-umlaut in such forms, because by the time that <i>i</i> appeared, <i>i</i>-umlaut had ceased to operate; if PScand. <i>a</i> stood in front of an intervocalic or final *<i>n</i>, it was preserved. In the presentation, I will suggest a new formulation of Kock’s rule in order to explain the forms in question.</p>	

Andrei Nikulin	<i>Núcleo Takinahakỹ de Formação Superior Indígena, Federal University of Goiás</i>
Javier Carol	<i>Consejo Nacional de Investigaciones Científicas y Técnicas–CONICET</i>

A new take on the Guaicuruan—Mataguayan hypothesis

Guaicuruan and Mataguayan are two language families of the Chacoan region (central-southern South America). Guaicuruan comprises at least 5 languages spoken in Argentina, Paraguay, and Brazil, and Mataguayan at least 4 languages spoken in Argentina, Paraguay, and Bolivia. The hypothesis of a genetic connection between them was already posited by Mason (1950), who coined the label Macro-Guaicuruan for the proposal in question. Also Swadesh (1959), Loukotka (1968), Suárez (1974) and Greenberg (1987) grouped them together in clusters with other language families. These classifications, however, were often based on scarce and not very reliable data. Viegas Barros (1992–93, 2006, 2013b) has made the first systematic attempts to prove the relation based on modern descriptions by professional linguists, and on his own reconstructions of both proto-languages (2002, 2013a).

In this talk we provide further support to the Guaicuruan–Mataguayan hypothesis by (a) identifying cognates in the basic vocabulary, using our own reconstructions of Proto-Guaicuruan and Proto-Mataguayan, and (b) proposing a reconstruction of the Proto-Guaicuruan–Mataguayan phonological system, based on our own reconstructions of each protolanguage. We highlight the importance of identifying cognate sets with a limited distribution (found in only one branch of the families in question) for the lexical reconstruction of Proto-Guaicuruan and Proto-Mataguayan.

<p>А. В. Савельев</p>	<p><i>Институт языкознания Российской академии наук; Институт классического Востока и античности ФГН НИУ ВШЭ; Уральский федеральный университет</i></p>
<p>Развитие нетривиальных сочетаний с носовым (*šN, *čN, *rN) в марийском</p>	
<p>На разных этапах марийской языковой истории имела место тенденция к устранению сочетаний согласных, где в роли второго элемента выступал носовой *n, *ń. В предлагаемом докладе обсуждаются марийские рефлексы реально реконструируемых кластеров данного типа (*šN, *čN, *rN). Кроме того, на соответствующем этимологическом материале рассматриваются возможности датирования фонетических переходов для исторически бесписьменного языка. В качестве данных, позволяющих достаточно точно датировать конкретные точки в эволюции нетривиальных консонантных кластеров в марийском, привлекаются топонимы мерянского языка (являвшегося, с точки зрения автора, ближайшим родственником марийского), а также заимствования в марийском из домонгольского волжско-булгарского языка и послемонгольского древнечувашского.</p> <p>Как представляется, переход *šN > *St происходил уже в марийско-мерянском праязыке. Достаточно ранним следует считать и развитие *čN > *rN в предковой стадии марийского. Уже после отделения мерянского сочетание *rN любого происхождения разбивалось вставным *t. Под действие этого правила попадали волжско-булгарские заимствования в прамарийском, но не древнечувашская лексика, усвоенная в период общемарийского диалектного континуума. Поэтому данное развитие следует датировать домонгольской (булгарской) эпохой.</p>	
<p>Alexander Savelyev</p>	<p><i>Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Institute for Oriental and Classical Studies, Higher School of Economics; Ural Federal University</i></p>
<p>The development of non-trivial clusters with a nasal (*šN, *čN, *rN) in Mari</p>	
<p>At different stages of Mari linguistic history, there existed a tendency toward elimination of consonant clusters with *n, *ń as the second element. The aim of this talk is to explain the Mari reflexes of all the reconstructed clusters of this type (*šN, *čN, *rN). The relevant etymological material is discussed in the context of a broader methodological problem, i.e. the dating of phonological changes in a language with no pre-modern written tradition. In order to date the sound changes in question, I examine toponymic evidence associated with the Meryan language (the closest documented relative of Mari) and borrowed vocabulary in Mari originating from two sources: the pre-Mongol period Volga Bulghar language and the post-Mongol period Old Chuvash.</p>	

The ancestral **šN* yielded **St* already in the common ancestor of Mari and Meryan. Likewise, the development of the ancestral **čN* into **rN* should be dated to some early stage in the history of Mari. After the split of Proto-Mari-Meryan, **rN* of any origin was resolved through the insertion of an epenthetic **t*. The resulting cluster **rtN* is observed in the Proto-Mari vocabulary of Volga Bulghar origin, but not in the words of Old Chuvash origin that made their way into the post-Mongol Common Mari dialect continuum. Therefore, the sound change should be dated to the Bulghar era.

А. А. Смирнитская

Еврейский университет в Иерусалиме;
Институт востоковедения Российской
академии наук, Москва

К изучению семантических переходов с участием перцептивных глаголов в центрально-койсанских языках

Настоящая работа посвящена изучению лексикализации и семантических сдвигов в семантических полях “to taste” и “to smell” в языках группы кхойкхой (центрально-койсанских языках). Значения области восприятия считаются относительно устойчивыми в языках мира, в частности, значения “to see” и “to hear” входят в 100-словный список Сводеша, при этом, значения из области «хемоперцепции» (модальности восприятия “to taste” и “to smell”) в этом списке отсутствуют. Исходной точкой работы послужило утверждение о развитой лексической системе обоняния и осязания в языках калахари-кхой (см. Nakagawa 2012 о языках G|wi, G|ana и †Haba, и Brenzinger and Fehn 2013 о языках Khwe-!Ani и Ts'ixa) и о нетривиальных семантических переходах в этой зоне. Анализ лексического выражения значений хемоперцепции проводился путем сопоставления лексикографических источников и корпусных данных, а также с помощью полевого исследования этой семантической области в языке кхой (нама).

Семантические переходы в докладе рассматриваются в рамках теоретического подхода, принятого в Каталоге семантических переходов в языках мира (datsemshift.ru), каждый переход представляет собой бинарную связь значений, реализованную в виде полисемии, семантической эволюции, морфологической деривации и др. (см. подробнее Zalizniak 2018, Zalizniak et al. 2023, Смирнитская 2022). Система семантических переходов с участием глаголов восприятия связывает семантические поля собственно восприятия и различные зоны когнитивной активности: to listen > to pay attention; to hear > to understand; to hear > to obey; to hear > interest; to look > observe; to touch > to move emotionally; to taste > pleasure и другие. В области хемоперцепции наблюдаются семантические переходы to smell > to indicate (Khoekhoe: lawexūs di hammi – the smell of deceit), to smell > to detect (Khoekhoe: khoeb ge ti †gan!gâsa lapede go !khawa. He immediately smelled my secret intentions); to smell > to suspect и другие. Семантические переходы внутри области восприятия представляют собой случаи синкретизма и «распространения» формы со значением, относящимся к одной модальности восприятия, на другие модальности. Самым распространенным таким случаем является обозначение глаголом с исходным значением “to see” значений из других модальностей восприятия (см. иерархию Viberg 2001, 2019); в языках калахари-кхой одной из таких лексем является форма !ām с первичным значением “to taste” (см. Nakagawa 2012).

В языке кхойкхой основные лексические единицы, выражающие значения этого поля – *ham* ‘to smell, sniff’ [hãm; hãrmě] и *!khawa* ‘to smell’ [!khãwá, !khãpá]. При этом когнаты форм, описанных в работах по родственным языкам калахари-кхой, *mũũ* ‘see,’ и *!ām* ‘taste, touch, smell’, а также глагол *khónà*, использующийся в сочетании с наименованиями запаха по его источнику (см. Brenzinger and Fehn 2013), не были выявлены в работе с информантами; употребление когната *!ám* было ограничено и указано носителями языка как редкое. Из значительного числа лексических единиц, описанных в словарях и определяющих запахи в зависимости от источника, носителями были идентифицированы только *!ōro.b* “a small bit of bad/ weird smell”; *!hana.b* “a smell of urina” и некоторые другие запахи, отличающиеся интенсивностью и негативной эмоциональной

окраской для воспринимающего; такая же ситуация и в семантическом поле «to taste»: определены и описаны носителями лексемы au-au «горький вкус» и некоторые другие.

В докладе рассматриваются данные, на основании которых, как нам представляется, можно говорить об эрозии лексической системы и структуры семантических связей в поле хемоперцепции в языке кхойкхой по сравнению с другими центрально-койсанскими языками.

Литература:

1. Brenzinger, Matthias & Anne-Maria Fehn. 2013. From body to knowledge: perception and cognition in Khwe-!Ani and Ts'ixa. In Alkhenvald Alexandra Y. & Anne Storch (eds.), *Perception and cognition in language and culture*, 161-191. Leiden: Brill.
2. Nakagawa, Hiroshi. 2012. The importance of TASTE verbs in some Khoe languages. *Linguistics* 50(3). 395–420.
3. Smirnitskaya, Anna. 2022. *Dravidijskie terminy rodstva s točki zreniya tipologii semanticheskikh perekhodov*. [Dravidian kinship terms from the point of view of the typology of semantic shifts]. (<https://iling-ran.ru/web/ru/theses/smirnitskaya>). PhD thesis. Moscow: Institute of Linguistics.
4. Viberg, Åke. 2001. Verbs of perception. In Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oesterreicher & Wolfgang Raible (eds.). *Language typology and language universals: An international handbook*, 1294–1309. Berlin & New York: Walter de Gruyter
5. Zalizniak, Anna A. 2018. The catalogue of semantic shifts: 20 years later. *Russian journal of linguistics* 22 (4), 770–787.
6. Zalizniak, Anna A., Bobrik, Marina, Bibaeva, Maria, Bulakh, Maria, Voronov, Mikhail, Ganenkov, Dmitry, Gruntov, Ilya, Maisak, Timur, Mikhailova, Tatyana, Orlova, Maria, Maksim Russo & Anna Smirnitskaya. 2023. *Datsemshift: The Catalogue of semantic shifts in languages of the world*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. <https://datsemshift.ru/>.

Anna Smirnitskaya

Hebrew University of Jerusalem; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Towards the study of semantic shifts in the field of chemoperception in Central Khoisan languages

This presentation is dedicated to the study of lexicalization and semantic shifts in the semantic fields “to taste” and “to smell” in Khoe-Kwadi (Central Khoisan) languages. The meanings of perception are considered relatively stable in the languages of the world. In particular, the meanings “to see” and “to hear” are included in the 100-word Swadesh list, while the meanings from the field of “chemoperception” (“to taste” and “to smell” sensory modalities) are not included there. The starting concern of this work was the developed lexical system and non-trivial semantic shifts in chemoperception semantic field in the Kalahari-Khoe languages postulated in (Nakagawa 2012) about G|ui, G||ana and #Haba languages, and (Brenzinger and Fehn 2013) on Khwe-!Ani and Ts'ixa. The analysis of the lexical expressions of chemoperception meanings was carried out by comparing lexicographic sources and corpus data, as well as through field research in the Khoekhoe (Nama) language.

Semantic shifts in this presentation are considered within the framework of the Catalog of semantic shifts in languages of the world (datsemshift.ru), each shift being a binary connection of meanings, realized in the form of polysemy, semantic evolution, morphological derivation etc. (for detailed description see Zalizniak 2018, Zalizniak et al. 2023, Smirnitskaya 2022). The system of semantic shifts with the participation of perception verbs connects the semantic fields of perception and various fields of cognitive activity: to listen > to pay attention; to hear > to understand; to hear > to obey; to hear > interest; to look > to observe; to touch > to move

emotionally; to taste > pleasure and others. In the area of chemoperception, there have been observed semantic shifts: to smell > to indicate (Khoekhoe: *lawexūs di hammi* ‘the smell of deceit’), to smell > to detect (Khoekhoe: *khoeb ge ti †gan!gāsa lapede go !khawa*. ‘He immediately smelled my secret intentions’), to smell > to suspect and others. Semantic shifts within the field of perception itself are cases of syncretism and extension of a form with a meaning of one sensory modality to the others. The most frequent occurrence of this phenomenon is when the verb ‘to see’ extends its meaning to other sensory modalities (see the well-known hierarchy of Viberg 2001, 2019). In the Kalahari-Khoe languages, one such lexeme is the form *lām* with the primary meaning “to taste” (see Nakagawa 2012).

In the Khoekhoe language, the main lexical units expressing the meanings of “smell” semantic field are *ham* ‘to smell, sniff’ [hām] and *!khawa* ‘to smell’ [!kháwá]. The cognates of the forms described for Kalahari-Khoe languages, namely *múù* ‘see’ and *lām* ‘taste, touch, smell’, as well as the verb *khónà* being used in combination with smell source (see Brenzinger and Fehn 2013), were not identified in our field studies; the cognate term *lām* was recognized as rarely used. Of the significant number of lexical descriptions of “smell” source attested in dictionaries, only *lōro.b* “a small bit of bad smell” and *lhana.b* “a smell of urine” and some others were identified by speakers. Mostly these are smells that have a strong negative emotional impact on the perceiver. The situation is the same for the semantic field “to taste”, only the lexeme *au-au* “bitter taste” and some others are recognized and reliably described by speakers.

The presentation will discuss the data on the basis of which we believe we can speak about the erosion of the lexical system and the structure of semantic shifts in the field of chemoperception in Khoekhoe in comparison with other Central Khoisan languages.

References:

1. Brenzinger, Matthias & Anne-Maria Fehn. 2013. From body to knowledge: perception and cognition in Khwe-!Ani and Ts’ixa. In Aikhenvald Alexandra Y. & Anne Storch (eds.), *Perception and cognition in language and culture*, 161-191. Leiden: Brill.
2. Nakagawa, Hiroshi. 2012. The importance of TASTE verbs in some Khoe languages. *Linguistics* 50(3). 395–420.
3. Smirnitskaia, Anna. 2022. *Dravidijskie terminy rodstva s tochki zreniya tipologii semanticheskikh perekhodov*. [Dravidian kinship terms from the point of view of the typology of semantic shifts]. (<https://iling-ran.ru/web/ru/theses/smirnitskaya>). PhD thesis. Moscow: Institute of Linguistics.
4. Viberg, Åke. 2001. Verbs of perception. In Martin Haspelmath, Ekkehard König, Wulf Oesterreicher & Wolfgang Raible (eds.), *Language typology and language universals: An international handbook*, 1294–1309. Berlin & New York: Walter de Gruyter
5. Zalizniak, Anna A. 2018. The catalog of semantic shifts: 20 years later. *Russian journal of linguistics* 22 (4), 770–787.
6. Zalizniak, Anna A., Bobrik, Marina, Bibaeva, Maria, Bulakh, Maria, Voronov, Mikhail, Ganenkov, Dmitry, Gruntov, Ilya, Maisak, Timur, Mikhailova, Tatyana, Orlova, Maria, Maksim Russo & Anna Smirnitskaia. 2023. *Datsemshift: The Catalogue of semantic shifts in languages of the world*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, <https://datsemshift.ru/>.

Г. С. Старостин	<i>Институт классического Востока и античности ФГН НИУ ВШЭ; Институт Санта-Фе</i>
А. С. Касьян	<i>Лаборатория востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС, Москва</i>
<p>Ономасиологическая реконструкция в рамках 400-словного списка базисной лексики и ее роль в уточнении ряда гипотез дальнего языкового родства</p>	
<p>В 2024 г. группой исследователей, относящихся к Московской школе компаративистики, был завершен второй этап работы над созданием (квази-)универсального 400-словного списка базисной лексики и его апробацией на материале лексических корней, реконструируемых для языковых семей Старого Света, относимых (или потенциально относимых) к т.н. ностратической макросемье. В отличие от первого, «чернового» этапа, на втором этапе упор делался на написании подробных комментариев к формам, выносимым в основные слоты базы данных, и на усовершенствовании методики ономасиологической реконструкции. В докладе будут суммированы основные результаты, полученные на этом этапе, и рассказано о дальнейших целях "третьего этапа", к каковым относятся: (1) финализация состава 400-словного списка (за счет фильтрации ряда "слабых" элементов и замены их на более устойчивые); (2) уточнение критериев "реконструируемости" тех или иных элементов в зависимости от размера, топологии и хронологической глубины языковой семьи; (3) совершенствование списка допустимых семантических переходов между элементами 400-словника, необходимого для объективного поиска потенциальных когнатов; (4) разработка новых автоматических алгоритмов сравнения для выявления соответствующих когнатов.</p>	

А. А. Трофимов	<i>Лаборатория востоковедения и компаративистики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС</i>
Уточнения к правилам ударения в именных основах в пушту	
<p>Г. Моргенштерне впервые предположил в статье 1942 г., что отдельные основы в пушту сохраняют праиранское разноместное ударение. В.А. Дыбо на значительном количестве примеров попытался продемонстрировать, что баритонеза и окситонеза праязыка в именных основах в пушту отражается в современном состоянии. Согласно его мнению, можно говорить о «полной тождественности системы афганского разноместного ударения ведической». Также В. А. Дыбо было установлено правило ударения «по контрасту» для ведийского и пушту.</p> <p>Тем не менее, как показал Й. Бечка в монографии «A Study in Pashto Stress» 1969 г., при рассмотрении синхронного распределения именных основ пушту в зависимости от ударения выясняется, что в этом языке значительная доля именных основ имеет фиксированное конечное ударение (по подсчетам автора, это 68,3 процента всех слов). При этом отдельные морфологические классы (слова, заканчивающиеся на <i>-a</i> и <i>-ay</i>) демонстрируют распределение конечноударных и баритонных основ, количественно близкое к 1:1.</p> <p>Такие данные свидетельствуют в пользу того, что в пушту происходила масштабная разнонаправленная морфологизация изначального подвижного ударения. В докладе будут рассмотрены типы основ, с одной стороны, сохраняющие (*<i>ā</i>-основы и основы с суффиксом *<i>-a-ka</i>), а с другой – утрачивающие историческое праиранское ударение (*<i>a</i>-основы; основы, которые дают в пушту зваракай или конечный долгий <i>-ā</i>).</p>	

Artem Trofimov	<i>Laboratory of Oriental and Comparative Studies of the School for Advanced Studies in the Humanities, RANEPА</i>
On the accentuation patterns in Pashto nominal stems	
<p>G. Morgenstierne originally supposed in 1942 that several Pashto nominal stems retain Proto-Iranian and PIE lexical stress. Based on a significant amount of data, V. A. Dybo attempted to demonstrate that protolanguage barytona and oxytona respectively result in Pashto barytoned and oxytoned nominals. He thought that it was possible to define the correlation between Pashto and Vedic accent systems as “completely identical”. V. A. Dybo also established the rule of accentuation "by contrast" for Vedic and Pashto.</p> <p>However, as J. Bečka demonstrated in his monograph “A Study in Pashto Stress” in 1969, 68,3 percent of words in modern Pashto have final stress. At the same time there are morphological classes of nominals (ending in <i>-a</i> and <i>-ay</i>) that show distribution of final-stressed words and barytona close to 1:1.</p> <p>These data demonstrate that Pashto experienced large-scale multidirectional morphologization of inherited lexical stress. Stem types preserving (*<i>ā</i>-stems and stems with the suffix *<i>-a-ka</i>) and losing the original Proto-Iranian stress (*<i>a</i>-stems; Pashto words ending in <i>-ə</i> and <i>-ā</i>) will be discussed.</p>	